

нельзя ограничиться такой общей характеристикой. Третьяковский не был, конечно, последовательным мыслителем, но в разные периоды деятельности у него можно отметить то ту, то другую преобладающую тенденцию. Хотя идеологическая эволюция Третьяковского и представляет собой ломаную линию, все же в ней видны закономерности, от изучения которых не следует отмахиваться словами о «путаности» и «противоречивости».

В одах 30—40-х годов и в переводе «Аргениды» Баркляя (1751) Третьяковский показал себя защитником абсолютизма. Его главной политической мишенью являлись тогда те вельможи, которые своими распрями могли поколебать трон государя. Авторитет царской власти был в «Аргениде» незыблемым принципом, вытекавшим из интересов единства государства, его могущества и роста. Все прочие вопросы решались лишь с точки зрения соответствия этому принципу, и «урок царям» звучал еще пока дружеским, а часто и льстивым увещанием.

В конце 50-х—начале 60-х годов в мировоззрении Третьяковского происходят значительные сдвиги. Правление Елизаветы в конце ее царствования вызывало разочарование и недовольство у многих из тех, кто в свое время восторженно встретил восшествие на престол дочери Петра. Оппозиционные веяния захватили в конце 50-х годов и Третьяковского. Трагический поворот личной судьбы, прямое столкновение с академической верхушкой во многом определили его отношение к властям. Завершением этого периода идейного и творческого развития Третьяковского явилась «Тилемахида» (1765), в которой были высказаны мысли, резко отличные от проповедовавшихся в «Аргениде» пятнадцатью годами раньше. От безусловной поддержки абсолютизма Третьяковский совершил переход к критике «злых царей», тиранов и их своекорыстного окружения. Л. В. Пумпянский дает точную сравнительную характеристику двух романов, переведенных Третьяковским: «Третьяковский переходом от „Аргениды“ к „Тилемаку“ воспроизводит для России это полевание абсолютистской политической мысли. Оба же перевода, вместе взятые, показали России европейский политический роман в двух главных фазах его развития: „урок царям“ накануне правления Ришелье и „урок царям“, гораздо более смелый и резкий, через 75 лет, когда наследие Ришелье вошло в период разложения и абсолютизм из двигателя общественного развития превратился в препятствие, вредное для всей нации».¹³

мысли). М., 1954, 31 стр.; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1955, стр. 131.

¹³ История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 245.